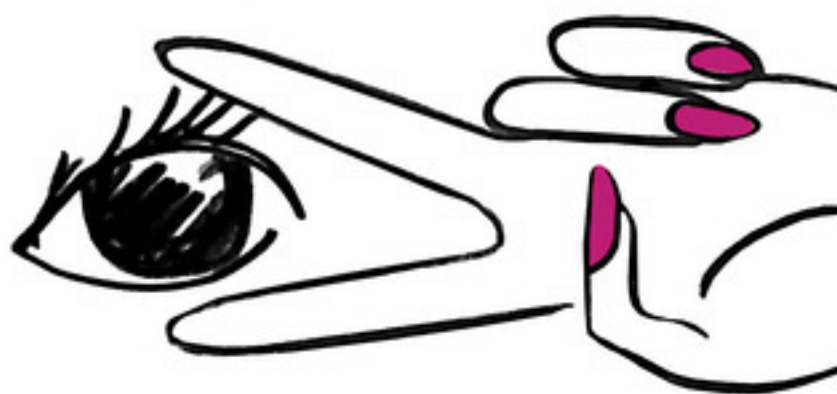

Поцелуй с разбега!

Арина
Ларина

комедийный любовный роман

Арина Ларина
Поцелуй с разбега!

«ЭКСМО»

2006

Ларина А.

Поцелуй с разбега! / А. Ларина — «Эксмо», 2006

У юной Верочки были настолько красивые и длинные ноги, что девушка не сомневалась – все мужчины на свете горят желанием упасть к этим самым ногам. Вскоре так и случилось: роскошный парень Володя окружил ее заботой, вниманием и даже предложил руку и сердце. Но судьба уже неслась к Верочкиной бочке меда со своей ложкой дегтя – и вот бедная студентка оказалась обманута и брошена. Что делать? Топиться – не прикалывало. Вера обратилась за помощью к своей старшей подруге, которая не растерялась и устроила ее в офис своего любовника. Вот тут-то все и началось...

© Ларина А., 2006

© Эксмо, 2006

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Арина Ларина

Поцелуй с разбега!

Глава 1

Светильник в прихожей давно следовало поменять. Света он давал меньше, чем фонарик на каске шахтера, зато причудливые тени от восточного орнамента, пущенного по тусклому стеклу, в избытке расплывались по обоям, зеркалу и высокой стройной барышне, пытавшейся наложить макияж на свежее личико, вовсе не требовавшее грубого косметического насилия.

– Вера, где рейтузы? – трагически возопила крупная женщина, возмущенно дернув девушку за ультра-короткую юбочку. – Ты себе все отморозишь!

Тонкий тюбик помады, вырвавшись из дрогнувшей от неожиданности руки, совершил в воздухе несложный пируэт и пролетел по траектории, соответствующей давно открытому закону всемирного тяготения, щедро мазнув по тонкому джемперу, облегающей юбке и завершив кульбит жирной алой точкой на сапоге.

– Мама, – раздраженно выдохнула Вера. – Спасибо, что не ударила! Я вообще-то крашусь!

– А Леночка из восемнадцатой квартиры не красится, – моментально пошла в атаку мать. – И в такой мороз по льду на каблучищах не ходит! Хочешь встретить Новый год в гипсе и памперсах?

В этом вопросе была вся Ярослава Аркадьевна. Она всегда ударялась в крайности и эмоционализовала по любому поводу, будь то невыполнимое, на ее взгляд, обещание депутата в последних новостях или слишком тонкий голос очередного Вериного кавалера, позвонившего своей любимой и по недоразумению нарвавшегося на ее неласковую маму. Ярослава Аркадьевна не любила держать мысли в себе. Поскольку все они казались ей достойными обнародования, за ней прочно закрепилась слава скандалистки и крайне некоммуникабельной дамы. На самом деле она была человеком крайне впечатлительным и ранимым, но прятала свою уязвимость за мощными габаритами и неудержимой вербальной активностью. Считая, что нанести удар нужно первой, она всегда дезориентировала противника своей прямолинейностью и неожиданным подходом, желая в первую очередь обратить внимание собеседника на его собственные недоработки, чтобы у огорошенного ее натиском оппонента не осталось ни сил, ни желания на констатацию каких-либо негативных моментов в ее образе. И после этого мама Верочки искренне не понимала, почему люди обижаются.

– Представляешь, – сокрушалась она, призывая дочь в союзницы, – Наталья со второго этажа со мной теперь не здоровается. И все почему? Я ей сказала, что в ее возрасте неприлично так краситься, надо поскромнее, побледнее. В наши годы пора уже о внуках думать, а не о мужиках. Нет бы поблагодарить: кто ей еще-то, кроме меня, глаза откроет? Так нет! Морду воротит. Вот и жди от людей благодарности за добрые дела.

Верочка привыкла к маминым выходкам, прекрасно понимая, что спорить и перевоспитывать взрослую женщину бесполезно. Тем более что во время переходного возраста, будучи еще очень юной и малоопытной в семейной дипломатии, она уже попыталась объяснить маме расстановку сил. На тот момент восстание было на корню подавлено, оставив в светлой душе Верочки тягостный осадок собственной неправоты и вечный повод для упреков, поскольку тот давний эпизод мама на протяжении многих лет с удовольствием вспоминала при каждом удобном случае, в красках расписывая свои страдания и дополняя описательную часть все новыми и новыми подробностями.

Девушка решила, что если кто и отважится бороться с маминым правдолюбием, то это точно будет не она. Представив себе реакцию одинокой незамужней Натальи, которая, к слову сказать, была лет на пятнадцать моложе Ярославы Аркадьевны, на советы «ровесницы», Верочка сдержала улыбку и покорно согласилась с мамой. Мама любила, когда ее правоту подтверждали. Будучи начальником отдела, она имела возможность достаточно часто получать подтверждение своей правоты, поскольку сотрудницы не решались на открытую конфронтацию, предпочитая лишний раз кивнуть, чем объяснять, почему и в чем именно не права громкая Ярослава.

Верочка всегда поступала по-своему. То, что маме не нравились короткие юбки и голые колени, никак не отражалось на дочкином гардеробе. У Веры были изумительной красоты и длины ноги, поэтому прятать их она не планировала. Все остальное было умеренно симпатичным и в глаза не бросалось, зато стройные конечности, поставленные на шпильки, разили наповал. Кавалеры при виде ее гладких коленок и остальных идеально-ровных линий, стремительно возносящихся к подолу юбок, больше похожих на пояса, теряли самообладание и готовы были пойти за ногой барышней на край света, как крысы за волшебной дудочкой. Сама Вера к излишнему мужскому вниманию относилась снисходительно, позволяя обожать себя, и слегка презирала сильную половину человечества за столь ярко выраженную подверженность низменным инстинктам.

– Это так скучно, Руська! – вздыхала она, сидя в кухне у своей подруги Русланы и деликатно затолкав свои достоинства под стол, дабы не нервировать Русиного супруга. – Им наплевать, что у меня внутри! Они готовы спать со мной, совершенно меня не зная! А моя душа, а мысли? А я сама? Что, у меня, кроме ног, ничего больше нет, что могло бы представлять ценность для человечества?

– Может, и есть, – хмыкала многоопытная Руслана, – только в глаза не бросается. А копыта твои просто семафорят зеленым светом! Вот если бы ты их прятала...

– Чего это? Они красивые! Может, мне еще и лицо паранджой занавесить?

– Глупо переться на болото с голым задом и удивляться, что тебя зажрали комары! Если я иду на деловые переговоры, то я грудь прикрою, чтобы не отвлекать людей от обсуждения вопроса, а если деловой партнер интересуется мной не только как деловой, но и как просто партнер, то я надену блузку с таким декольте, что жертва скончается от восторга и четко оформленных мыслей еще на подступах к крепости! – Руся многозначительно колыхала бюстом, который в ее образе был столь же ценен, как и ноги у ее молодой подруги. Руслана была дородной яркой блондинкой с большой грудью и тонкой талией. Следствием этих ее неоспоримых достоинств являлись ветвистые рога ее супруга Гоши, которым позавидовал бы любой старый олень, и постоянные внутрисемейные разборки с битьем посуды и неконкретными, весьма обтекаемыми придирами, поскольку муж, явственно ощущавший тяжесть окостенелых образований в районе темени, тем не менее так ни разу и не смог уличить красавицу Русю в неверности.

– Но не все же такие примитивные, есть ведь где-то нормальные мужчины? – демонстративно тосковала Вера.

– Есть, – односложно соглашалась Руслана. – Где-то шляется твой принц, который тоже ищет бескорыстную и любвеобильную подругу. Возможно, тебе повезет, как нам с Гошей!

В такие моменты Руся обычно жарко обнимала мельтешившего по апартаментам супруга, старавшегося уловить из дамской беседы подробности личной жизни жены и по этой причине нарезавшего круги в непосредственной близости от места чаепития. А Вера, обладавшая информацией о похождениях подруги, мысленно крестилась и круглыми, наивными глазами двадцатилетней девчонки таранилась на идиллически сюсюкавшую парочку.

Глубоко презирая похотливость противоположного пола, Верочка тем не менее постоянно провоцировала недалеких, на ее взгляд, самцов на проявление их низкой сущности. Ей нравилось наблюдать за сменой выражения лиц мужчин, парализованных видом ее потрясающих ножек. Она любила, сев с девчонками после вечерних лекций в метро, горделиво вытянуть свои идеальные конечности под тихое завистливое сопение одноклассниц и собрать ворох восхищенных взглядов. Ничего зазорного в этом не было: красивые прически не прячут под косынки и шапки, роскошную грудь не скрывают под строгими блузками, а тонкую талию не занавешивают балахонами. Женщине свойственно воодушевленно демонстрировать свои плюсы, тщательно скрывая малочисленные минусы. Молоденькой студентке, по прихоти природы наделенной умопомрачительными ногами, нравилось чувствовать свою власть над сильной половиной человечества. Кося глазками и вдохновенно собирая горящие взгляды кавалеров, пребывавших в возрастном ареале от четырнадцати и до бесконечности, она чувствовала себя все понимающей умудренной дамой, снисходящей до созерцания столь примитивных существ. Они были как на ладони со всеми своими улыбочками, полунамеками и подмигиваниями. К Верочкиному модельному росту, слегка перевалившему за сто восемьдесят сантиметров, прилагалось милое детское личико хорошей домашней девочки с большими наивными глазами. Это вводило кавалеров во временное заблуждение. Начиная атаку с низкого старта и рассчитывая на быструю победу, они внезапно наткнулись на достойный отпор и холодный насмешливый взгляд. Этот взгляд Верочка репетировала вместе с Русланой, филигранно отточив малейшие оттенки мимики, превращавшей лицо вчерашней школьницы в надменную маску светской львицы. Имея такие ноги и такое самомнение, как у Верочки, это было несложно. Особенно приятно было огорошить какого-нибудь самоуверенного мужичка, предлагавшего посмотреть дома DVD, кротким вопросом из серии: «А жена не заругает?» или «Раздеваться прямо сейчас или перед началом киносеанса?». Еще девушке нравилось, некоторое время построив из себя неискушенную в половых вопросах овечку, доверчиво соглашавшуюся поест конфет и фруктов на чужой территории, внезапно металлическим голосом подвести итог переговоров, сообщив: «Ладно, пятьсот баксов за два часа». Обычно перезрелые ухажеры после столь безапелляционного заявления исчезали, словно пожухшая листва, стремительно уносимая порывистым октябрьским ветром. Правда, пару раз трюк не подействовал: один из мужчин, годящихся ей в отцы, попытался сосредоточенно торговаться, а другой, оставивший свой «БМВ» на раскаленном летним солнцем проспекте и спустившийся в метро именно с целью познакомиться, немедленно согласился оплатить удовольствие. Верочка оскорбилась и сообщила отвергнутому ловеласу, что в подземке можно купить для удовлетворения своих физиологических нужд все что угодно: еду, питье, газету, но не советскую студентку! Мужик расстроился, поскольку только на днях, прихватив в туалет вместо «Пятого колеса» один из глянцевого журнала, с упоением поглощаемых женой, вычитал там умнейшее умозаключение, сделанное то ли маститым психологом, то ли зеленым журналистом: в метро запросто можно подцепить миллионера, поскольку половина из них бродит там в поисках Золушки, а другая перемещается по городу в электричках, когда ломаются «Мерседесы» и «Лексусы». Подивившись изворотливости фантазии неизвестного писаки, обучающего девчонок охоте на крупную «дичь», он решил найти себе подружку именно там, где юные девы незамужними толпами носились по своим охотничьим угодьям в поисках холостого олигарха. Но ни отсутствие обручального кольца, ни наличие «Ролекса» и массивной золотой цепи на волосатой груди не сломили сопротивление ногастой Веры. Она не желала быть очастливленной.

Ровесники тоже не особо вдохновляли девушку. Они шли напролом, как похмельные бульдозеристы, не тратя времени на дипломатию, а предельно четко сообщая весьма незамысловатый план развития событий. Нет, Верочка с удовольствием встречалась с парнями, благо выбор был довольно богатым, но первый же серьезный роман с накачанным пятикурсником из института физкультуры обогатил ее весьма ценным жизненным опытом: неожиданная

задержка цикла потрясла банальностью внезапного обрыва розовой мечты о светлом будущем, и хотя и оказалась лишь случайностью, но за пару дней ошеломляющего ожидания катастрофы Вера поняла, что ни один мужчина не стоит таких моральных терзаний. Их нужно использовать, без сожаления меняя на более новые модели, как вышедший в тираж прошлогодний гардероб. И ни в коем случае не позволять использовать себя, даже не давать им шанса возомнить, что они что-то там такое получили за красивые глаза. Красивые глаза могут быть только у девушек, а у мужского пола может быть бесперебойно работающий мозг и, как следствие, толстый кошелек. Додуматься до столь полезных вещей ей помогла Руслана, объяснив, что мужик без кошелька хорош только в период романтики, когда влюбленные готовы питаться лишь чувствами и сутками пялиться на луну, зато когда дело дойдет до построения шалаша и добычи пропитания, слабая женщина рискует наткнуться на непонимание и обвинение в меркантильности. Подаренные цветы завянут, обещанные звезды так и останутся висеть на небе, а скукожившаяся от холода и голода любовь тихо издохнет под гнетом жизненных обстоятельств. Точно так же непригоден в быту приземленный экземпляр с толстым кошельком, но без особых умственных способностей, отсутствие которых свидетельствует о бесперспективности кавалера в плане совместного ведения хозяйства. В общем, советы Русланы сводились к тому, что обладательница достоинств, аналогичных Верочкиным, имеет право быть разборчивой.

Пора любви еще не пришла, поэтому Верочка с удовольствием пользовалась свободой.

Мама, несмотря на вечное недовольство и желание озвучивать все, что не соответствовало в дочкином внешнем виде образу «приличной девушки», относилась к Вере весьма лояльно, не устраивая скандалов по поводу поздних возвращений, если Вера заранее звонила и предупреждала, что задержится, и понимая, что рядить двадцатилетнюю студентку в юбки до полу – явный педагогический перегиб. В душе она гордилась дочерью, но считала, что хвалить лишний раз не стоит.

Она растила Верочку одна, в относительном достатке, но без излишеств. И самой сокровенной мечтой Ярославы Аркадьевны было удачное замужество любимого чадушка. Как и любой матери, ей хотелось, чтобы жизнь додала ребенку все, что было недополучено родителями. Но судьба была иногда слишком привередлива и назначала своими любимчиками отнюдь не самых достойных.

Глава 2

Зима выдалась слякотной и непостоянной, как характер дамы климактерического возраста. Погода изо всех сил мешала Верочке показывать себя с лучшей стороны, хотя именно в этот вечер было просто необходимо стать сногсшибательной.

Она не была корыстной, но, оправдывая себя стремлением дать своим будущим детям все самое лучшее, тщетно стремилась в высшие слои общества. Только там, по мнению Русланы, водились кандидатуры, достойные опутывания брачными узами. Конечно, можно было откопать бриллиант и в серой обезличенной массе, трясущейся в метро, но зачем пытаться поймать одинокого карася на удочку в луже, если в руках сеть, а рядом озеро.

Лизавета, первая красавица курса, обладательница изумительной фигуры и денежного папы, устраивала для одноклассников клубную вечеринку в «Троллейбусе». Клуб считался не то чтобы элитным, но выше среднего, что давало надежду на приятное перспективное знакомство. В том, что познакомиться не составит труда, Вера не сомневалась, для этого было вполне достаточно помелькать ногами в освещенных местах: дискотечная темнота превращала Верочку в обычную, трудноразличимую дылду, а вот возможность посидеть где-нибудь в холле или у бара увеличивала ее шансы на порядок. Вопреки расхожему мнению, что высокой девушке достаточно сложно общаться с обмельчавшим в последнее время сильным полом, к Вере подкатывались не только крупные экземпляры, но и те, чей рост не дотягивал до метра семидесяти. В наше время, при тотальном дефиците женихов, у мужской части населения остается все меньше комплексов, в то время как у женщин они растут и раздуваются до размеров аэростата. Вере повезло. Руслана вовремя сориентировала девушку, что только благодаря своему баскетбольному росту она имеет такие выдающиеся ноги, более того, она научила Веру считать себя выдающейся индивидуальностью среди низкорослых сограждан и намекнула, что с таким ростом ей прямая дорога на подиум. Но если в шестнадцать лет карьера модели казалась Вере привлекательной, то в восемнадцать девушка уже гордилась тем, что, имея все шансы стать Клаудией Шиффер, она сделала выбор в пользу высшего образования, не окунаясь в дебри манящей, но опасной сферы шоу-бизнеса. И этот вывод был сделан не без помощи тактичной, но настойчивой Руси.

Раньше Руслана жила в соседней с Верочкой квартире, помогая Ярославе Аркадьевне с воспитанием дочери. Мама, в ту пору работавшая в поте лица, с радостью принимала помощь вежливой школьницы, сначала забиравшей Веру из садика, потом провожавшей в школу. Вместо продленки Верочка имела возможность возвращаться домой, под бдительный контроль Русланиной бабушки. С годами девушки стали воспринимать друг друга как близкие родственницы, а вышедшая замуж Руся продолжала ощущать ответственность за подростковую Верочку, осторожно и ненавязчиво объясняя элементарные вещи, которые элементарными для большинства Вериных ровесниц становились лишь после ряда ошибок, на которых, как известно, учатся. В свою очередь девушка обожала старшую подругу, искренне считая ее истиной в последней инстанции.

До клуба, в котором намечалась встреча, надо было ехать на метро. Встретившись у турникетов с Аллой Муськиной, маленькой и удивительно тупой толстушкой, по недоразумению попавшей на филфак, Вера по-журавлиному пошагала к эскалатору.

– Слышь, Верк, – где-то на уровне талии вздыхала Аллочка, блестя густо намазанными серебром веками и картинно барабани по стертой резине расписным маникюром, – на фига ты каблук надеваешь? К тебе же ни один мужик не подойдет, и лица не видно снизу. Во всяком случае, я только прыщ на подбородке разглядела.

Алла умела какой-нибудь незатейливой фразочкой безвозвратно испортить настроение.

– Что, видно? – тут же сникла Вера, битый час замазывавшая вылезший на подбородке дефект и до последнего мгновения считавшая, что маскировка удалась. Замечание про каблук она проигнорировала, прекрасно понимая, что, во-первых, каблук только украшал и без того красивые ножки, а, во-вторых, она знала об Аллочкином комплексе: девушка безумно переживала из-за своей низкорослости, всем и каждому сообщая, что Дюймовочки нынче в моде. Все бы ничего, если бы эта Дюймовочка не весила, как здоровый мужик. Поэтому, несмотря на откровенные заявления, Аллу жалели, как издавна жалели сырых и убогих.

– А то, – тут же радостно подтвердила сокурсница. – Первое, что в глаза бросается.

Но Вера, натренированная многолетней борьбой за хорошее настроение в условиях проживания с мамой, быстро оправилась от удара и, постаравшись выкинуть из памяти Аллочкино замечание, начала осторожно оглядываться по сторонам.

– Не зыркай, – тут же подала голос подруга. – Олигофрены в метро не ездят.

– Ты имеешь в виду олигархов? – хихикнула Вера.

– Ой, да какая разница, дело не в названии! Для меня мужик, у которого нет денег на приличное кафе, неинтересен! Что с ним делать?

– Книжки читать, – подколола ее Вера.

– Сберегательные? – радостно загоготала Муськина, потряхивая массивными золотыми серьгами, оттягивавшими ее ушки, как у жены вождя какого-нибудь африканского племени.

– Нет, умные.

– Извилины сотрутся, если все время умные книжки читать. Я их лучше на старость поберегу, чтобы раньше времени в маразм не впасть. – Аллочка надула пузырь из жвачки, который под натиском подземного сквозняка немедленно наклеился на ее макияж.

Вера с состраданием покосилась на сокурсницу, но та, абсолютно не расстроившись, принялась с энтузиазмом облизываться и скрести по губам мелкими зубками.

– Читайте знаки судьбы! – пояснила она покрасневшей Верочке, чувствовавшей себя няней, вышедшей в город с дебильным ребенком. – Я вот полдня думала, какую помаду намазать: фиолетовую или розовую. Выбрала розовую, а вот видишь, как получилось! Теперь стало ясно, что надо было фиолетовой краситься.

Муськина выглядела чрезвычайно довольной. Дочистив физиономию, она начала пудриться и едва не навернулась с эскалатора. Если бы не Вера, вовремя подхватившая зазевавшуюся подругу, то сейчас внизу образовалась бы небольшая свалка. Взросленная любвеобильными родителями словно оранжерейный цветок, Алла привыкла к тому, что все ее выходки прощаются. В школе она всегда была лучше и моднее всех одета, на дни рождения дарила всегда самые дорогие подарки, поэтому девочки старались с ней дружить. Учителя, регулярно задабриваемые родительскими подношениями, тоже не особо цеплялись к недалекой школьнице, выводя в журнале с трудом натянутые тройки. Выход во взрослую жизнь оказался для девушки потрясением. Она больше не была самой-самой. Единственное, что ее спасало, это жалость и снисходительное отношение одноклассниц, в противном случае Аллочка могла бы стать изгоем, и тут уж родители при всем желании не сумели бы ей помочь. Все милости судьбы она продолжала воспринимать как должное. Единственный комплекс – полная коротконогая фигура – не мешал ей чувствовать себя центром вселенной, хотя реакция окружающих не только не подтверждала ее самооценку, но и норовила грубо опровергнуть. Будь Муськина умнее, она бы уже давно свернула калачиком в жестком панцире депрессии, кляня судьбу и сочиняя надрывающие душу стихи, но ее ограниченность стала своеобразным щитом, от которого легко отскакивали колкости и насмешки. Верочка уже привыкла к Аллиным особенностям, хотя иногда ловила себя на мысли, что возвращаться домой после лекций в одиночестве намного спокойнее, поскольку Алла постоянно ставила ее в глупое положение. Вот и сейчас одноклассница во что бы то ни стало желала завершить начатую на эскалаторе философскую

сентенцию по поводу финансово несостоятельных мужчин, без всякого стеснения разглядывая пассажиров в поисках наглядного примера.

– Во! – С победным воплем она ткнула ярким ногтем в сторону мужичка, сутулившегося у дверей. Тощими коленями он зажимал «дипломат», сложив ноги в подобие буквы «икс», а в руках с трудом удерживал огромное полотнище черно-белой газеты, растянув его как прачка простыню. На кончике унылого хрящеватого носа висели очки, а острые плечи прикрывала куртка гнусно-болотного цвета. Рыцарь печального образа, не подозревавший, что избран объектом дамского обсуждения, сурово гримасничал, видимо, мысленно вступив в полемику с автором статьи.

Народ в вагоне оживился в предвкушении скандала.

– Глянь! – веселилась Муськина. – Вот, пожалуйста, по очкам видно, что умный! А кому он нужен со своим комком извилин? Это же не мужик, а набор костей для новогоднего студня! Ты посмотри, как он стоит! Да на нем же написано: «Извините, что такой уродился!» От него за версту несет хроническим отсутствием денег. Даже если такое решит жениться, то оно по определению не сможет осчастливить свою избранницу, так как нечем! А вот жизнь испортить – запросто!

– Алка, – прошипела Вера, – ори потише, а то он услышит!

Но было поздно. Всеобщее внимание сконцентрировалось в воздухе прямо над куцей кепочкой «неплатежеспособного» пассажира. Мужчина напрягся, воровато стрельнул взглядом из-под газеты и тут же изумленно округлил маленькие глазки, под стеклами очков ставшие похожими на жетоны метро: люди разглядывали его с откровенным интересом, словно перед ними стоял не младший научный сотрудник одного из городских НИИ, а обезьянка в блестящей юбочке, от которой все ждали какого-нибудь фокуса. Приземистая барышня с обильным макияжем, переключая вой электрички, что-то вещала, обличительно указывая на него.

– А ведь при тотальном дефиците мужчин кто-то вынужден будет соглашаться на то, что есть. Разве это справедливо? Почему нормальная женщина должна брать лежалый товар? Если ты не обладаешь внешностью фотомодели, то это вовсе не значит, что и твоя судьба должна выглядеть как яблочный огрызок! – продолжила Аллочка в гробовой тишине, не обращая внимания на то, что поезд остановился и теперь ее умные мысли разносятся по всему вагону.

Вера внутренне сжалась: в лучшем случае мужик устроит скандал, как это часто бывало, а в худшем – полезет драться.

Но им повезло. Дядька оказался неконфликтным. Более того, подавленный всеобщим вниманием к его персоне и непонятым выступлением неизвестной девицы, он трусливо выскользнул на перрон.

– Вот, полюбуйся! Финансовая несостоятельность делает человека ущербным во всем: он даже не может постоять за себя! – подвела итог Муськина, сурово проводив взглядом стремительно удаляющуюся жертву.

– А что, лучше было бы, если бы он тебе накостылял, защищая свои честь и достоинство? – желчно поинтересовалась Вера.

– Лучше. Это было бы по крайней мере по-мужски!

– Хочешь, я тебе врежу? – душевно спросила Верочка, пережившая стресс, требовавший немедленно освободить организм от адреналина. – Тебя мама с папой не учили, что говорить людям гадости нехорошо?

– Так я же не ему, а тебе сказала! – Муськина удивленно хлопнула тяжелыми ресницами. – А если он подслушивает чужие разговоры, то это его проблемы.

Пререкаться с Аллой смысла не имело. Ее видение ситуации как всегда ошарашивало собеседника, лишая аргументов.

Девушки пришли последними, поскольку по дороге Муськина вспомнила, что так и не накрасила губы, пришлось искать сначала освещенное место, потом выяснилось, что краситься на морозе невозможно, и Аллочка предложила едва не взывшей от злости Вере вернуться в метро. Пойдя на компромисс, Вера согласилась зайти в ближайшее парадное, но в первом они спугнули писающего мальчика лет сорока, а в следующем их самих до заикания напугала огромная собака неизвестной породы, за которой волокся на поводке ребенок, издав издав заоравший, что собака кусачая, гладить нельзя. В подтверждение его слов раззявившее пасть чудовище, летевшее по ступеням и размахивавшее ушами как летучая мышь, разразилось оглушительным лаем.

– А что, в клубе ты накрашись не сможешь? – едва переведя дух после вынужденной пробежки и изнывая от рвущегося наружу бешенства, поинтересовалась Вера.

– В жизни каждой женщине дается только один шанс, и его нельзя упустить! – наставительно поведала Муськина, сосредоточенно отдирая шарф от прикусившей его «молнии». – А вдруг моя судьба не внутри клуба, а на улице?!

– Бомж? – мстительно съехидничала Верочка.

– Нет. Вот вылезает он из-за руля черного джипа, одергивает дорожную дубленку из последней коллекции, достает супернавороченный мобильник, а тут я с ненакрашенными губами! И все! Мы пройдем мимо друг друга и будем отныне обречены на вечное одиночество.

Если бы Вера лично не выслушивала периодически подобные монологи, то она ни за что на свете не поверила бы, что подобную чушь может озвучивать двадцатилетняя студентка одного из самых престижных вузов страны, но факт оставался фактом: обожавшая любовные романы Муськина свято верила в то, что это документальные описания реальных событий. Единственное, с чем была согласна Верочка, – у каждой женщины есть шанс стать женой олигарха, просто промышленных магнатов и нефтяных королей на всех не хватает.

– Чтобы хватило, надо занимать очередь заранее и искать блат. Мужчина, как и любой дефицитный товар, приобретается по той же схеме. Сначала долго ходишь, ищешь, выбираешь, а потом пытаешься заполучить. Чтобы не прогадать, надо лишь внимательно ознакомиться с инструкцией и проверить наличие гарантии, – сказала как-то Руслана, и Верочка приняла эту аксиому на вооружение.

Но Муськина довела идею до абсурда, хотя спорить с ней было неохота, поэтому Вера терпеливо ждала, пока сокурсница подготовит фейс для встречи с судьбой. Декабрьский мороз колючими потоками ледяного ветра бил по лицу и ползал по ногам, примораживая тонкие колготки к задубевшей коже.

– Все, – провозгласила наконец Аллочка, и девушки понеслись к клубу. Они бежали паровозиком, пыхтя и выдыхая клубы пара.

Машин на стоянке было много, но все принцы уже спрятались в теплом помещении. Подколоть Муськину по поводу несостоявшейся судьбоносной встречи Верочка не успела, поскольку Алла на бегу мечтательно протянула, лязгая зубами:

– А джипов-то сколько!

Поперхнувшись собственной издевкой, Вера пронеслась сквозь гостеприимно разъехавшиеся двери клуба.

– Где вы болтаетесь? – возмущенно завопила Лиза. – Все уже давно развлекаются, а я тут торчу! Всё, мои все пришли.

Последняя фраза была адресована охранникам.

– Давай раздевайся до трусов и в бар! – Лизавета шлепнула Муськину по пышному задку и куда-то убежала.

– Почему до трусов? – посерела не уловившая шутку Аллочка.

– Пляжная вечеринка! – мстительно обронила Вера. – А ты разве не знала? В одежде нельзя, и каждый вновь прибывший должен показать стриптиз. Ты под какую музыку номер готовила?

Шутить с Аллой было сложно, если не сказать – невозможно. Тряся нижней губой и блестя вмиг повлажневшими глазами, она прошептала:

– Катастрофа! А у меня прыщи на спине! Все пропало!

Верочке тут же стало стыдно, словно она дала неразумному ребенку пустой фантик вместо конфеты:

– Пошутила я, расслабься. Просто раздевайся.

– Совсем? – Муськина никак не могла прийти в себя и перестроиться.

– Алла! – рывкнула Верочка. – Собери мозги в кучу, а то ты своими идиотскими вопросами всех женихов распугаешь!

– Нам пугливые не нужны! Материально самодостаточный мужчина не пасует ни в какой ситуации...

– Тебя заклинило на деньгах? Переключи кнопку: во-первых, они не любят, когда охотятся на кошельки, а, во-вторых, материальный достаток может компенсироваться всякими физическими дефектами!

– Безногий, что ли?

– Уф... Помнишь, ты мне про Шурика рассказывала?

– Про Шурика? – удивленно переспросила любвеобильная Муськина, у которой кавалеры сменяли один другого, как цифры на кварцевых часах.

– Про того, которого тебе мама подсунула!

– А-а, – тут же сморщилась Алла, выражая крайнюю степень презрения к вышеупомянутому юноше. – Ты про потентов?

– Почти, – расхохоталась Вера. – Про них. Иногда из-за усиленного зарабатывания денег у мужиков резко портится здоровье!

– Ничего, я любовника заведу, – заговорщицки подмигнула Муськина. – Мама сказала, что когда они с папой выйдут на пенсию, то уже не смогут брать взятки, и наше благосостояние резко упадет. Поэтому я должна найти хорошую партию.

– Ты вот что, – пробормотала Вера, – не надо всем сообщать, о чем вы там дома треплетесь, а то нарвешься на неприятности.

– Так я ж только тебе!

– Ну, люди разные бывают! Не надо всем подряд доверять! Знаешь, какие подлецы иногда встречаются!

– А ты?

– Я – отдельный разговор. Я сама чистота и непорочность. Ты, кстати, если мужики чего-то обещают, – не верь. Они с нами, как лиса с Колобком: ам – и одни косточки!

Ранимая Муськина немедленно надула губы:

– Чего обзываешься? Почему это я сразу «колобок»? И вообще я их всегда сначала маме показываю.

Последний комментарий проливал свет на тенденцию Муськиных кавалеров пропадать с горизонта уже на первом этапе знакомства.

– Алла, я сказала «мы»! Колобок – это аллегория! И вообще давай уже раздевайся, и пошли плясать.

Танцевать Муськина любила. В школе мама отдала ее на бальные танцы, и пара движений из ча-ча-ча намертво приклеились к Аллочке, возмнившей, что ритмичное переступание ножками и размахивание пятой точкой в ее исполнении выглядит эротично.

Энергично топоча, она ринулась на дискотеку «зажигать», а вздохнувшая с облегчением Вера произвела рекогносцировку местности. Ничего достойного ее внимания обнару-

жено не было, поэтому, тщательно оглядев себя в огромном зеркале, девушка двинулась искать боулинг.

Следом за ней по лестнице начал подниматься лысоватый парень, замедливший шаг и вдохновенно разглядывающий Верины ноги. Одет он был по-спортивному, а посмотреть бирки на одежде, чтобы оценить перспективность, не представлялось возможным. Правда, Руслана сказала, что найти подходящего кавалера в ночном клубе – шансов мало. Подходящие тосковали в офисах и на переговорах, а потом норовили отсыпаться дома вопреки расхожему мнению о разгульном образе жизни «новых русских». Но для начала сгодился бы и сын какого-нибудь усопшего на ниве бизнеса финансового воротилы, а их здесь – этих самых сыновей – наверняка было пруд пруди. Во всяком случае, Верочке так казалось.

Лысоватый поравнялся с затормозившей Верочкой. Роста они оказались одинакового, поэтому парень, скользнув по барышне обстоятельным взглядом и удовлетворенно кивнув, сообщил:

– Арсений. Люблю высоких, но не люблю тех, кто выше меня.

Видимо, это была шутка, поскольку в заключение выступления он довольно хохотнул, призывая Веру оценить остроумие.

То ли он стеснялся, то ли отморозил чувство юмора на подходах к клубу, но начало беседы Веру не впечатлило. Она решила промолчать, лишь вежливо улыбнувшись в ответ.

Приободренный Арсений почесал макушку и тоже оскалился:

– Выпить хочешь?

Зубы у него были ровные, как в рекламе. Либо парень родился и вырос в экологически чистой местности, до которой не доезжали всяческие вредные продукты наподобие конфет и шоколада, либо посещал дорогого стоматолога. И то и другое в принципе Веру устраивало, хотя первый вариант импонировал больше.

Она отрицательно качнула головой и снова улыбнулась.

– Да ты не робей, я не наглый! – утешил ее Арсений, и тут же добавил: – Ноги у тебя – зашибись! Ты в курсе?

Верочка, безусловно, была в курсе. И хотя комплимент ей понравился, она начала расстраиваться – парень казался слишком примитивным.

– Ну, здравствуйте! Уже сняла кого-то! – на них стремительно надвигалась сопящая Муськина. – А я ее ищу, ищу!

– Ты съемная? – насторожился кавалер. – В смысле, платная?

– В нашей жизни бесплатным бывает только сыр в мышеловке! – просветила его Аллочка. – Только сунешь туда что-нибудь, а тебе – хрясь по...

– Алла! – торопливо перебила ее Верочка. – А как там дискотека?

– Да жарко! Я прям все мокрая, вон, потрогай: пять минут поскакала, и уже по спине течет! – Муськина кокетливо помахала на себя ладошками и мотнула головой в сторону сосредоточившегося Арсения: – А он кто?

– А вы кто? – неожиданно с обидой спросил парень.

– Мы студентки, – торопливо пояснила Верочка, втайне надеясь, что Муськина догадается помолчать.

– Подрабатываете?

– Нет, просто отдохнуть пришли, – застенчиво покраснела Вера, надеясь, что инцидент исчерпан.

– Совмещаем приятное с полезным, – гикнула Алла и заколыхалась в приступе веселья.

Подавив желание спихнуть словоохотливую подружку с лестницы, Вера выпалила:

– Пойдем выпьем!

– Нет, я так не могу: ты сначала скажи – вы просто тусуетесь или снимаетесь? – набычился Арсений.

У Верочки мелькнула мысль, что из Арсения и Аллы получилась бы неплохая пара, во всяком случае, мыслили бы они на одинаковом уровне, и никакого недопонимания у них точно не возникало бы.

– Да расслабься, мы потанцевать пришли. Знаешь, как в универе учиться тяжело, к концу недели башка как сломанный телевизор, у которого громкость не регулируется! – Муськина игриво вильнула бедром. – Вот мы и оттягиваемся!

Выражение лица Арсения сменилось с обиженного на уважительно-подобострастное:

– Тогда за это надо выпить!

– Точно! Золотые слова! Пошли! – и наглая Муськина поволокла склонившегося над ней парня в бар.

Вера осталась на лестнице, размышляя: хорошо, что Алла взяла туповатого парня на себя, или стоило придержать его до лучших времен, поскольку, кроме таких уравновешенных экземпляров, одинокой девушке мог повстречаться и какой-нибудь невоспитанный психопат, считающий, что раз уж он заявился в ночной клуб, то культурная программа должна быть выполнена и перевыполнена. Слова «нет» для таких индивидуумов не существовало.

– Мадам, о чем печалимся? – Блондин с внешностью похмельной снегурочки старательно пытался сфокусировать взгляд на Вере и одновременно удержать тело в вертикальном положении.

Вера развернулась, чтобы уйти, но красавчик уцепился за ее локоть и попытался облобызать свитер, издавая нечленораздельное урчание, словно планировал после поцелуев перейти непосредственно к поеданию девичьей одежды.

Вера привыкла к излишнему мужскому вниманию, поэтому не испугалась, хотя приятного было мало. Ее ноги были не только красивыми, но и достаточно сильными, как у молодой кобылки. В связи с этим еще в выпускном классе, воспользовавшись близкой дружбой с соседом Валерой, она выучила пару приемов, позволявших не только испортить нежелательным кавалерам настроение, но и отбить боевой задор на пару недель. Едва она начала примериваться, как бы поаккуратнее известить в блондине желание немедленно и близко дружить, как по лестнице возмущенно прокатился рокочущий выкрик:

– Виталик, я тебя сейчас с лестницы спущу! Отцепись от девушки, поганец!

– Легко сказать «отцепись», – пробормотал повисший на Вере Виталик, и жалостливо добавил: – Я ж упасть могу!

Вера дернула плечом, стряхивая налипшего кавалера, словно комара, а чьи-то сильные руки довершили начатое, осторожно усадив обмякшего парня на ступени. Спасителем оказалась точная копия раскисшего Виталика, только с более гладкой физиономией и менее длинными волосами.

– Он вас не сильно обслонявил? – участливо поинтересовалась копия, то ли погладив Верин рукав, то ли проверив на степень обмусоливания.

– Надеюсь, что нет, – ровным голосом сообщила девушка. – А что, он у вас без сопровождающих гуляет?

– Да нет, что вы, он нормальный, только перебрал немного. Горе у него, девушка бросила, вот и расквасился. Было бы из-за чего!

– Много ты понимаешь! Знаешь, какая она была! – квакнул из-под ног Виталик.

– Ага, – мрачно кивнул второй блондин. – И не только я в курсе, какая она была... любвеобильная! Баб, что ли, мало? Я тебя в клуб зачем привел? Чтобы ты девку нашел какую-нибудь, а не водку трескал! Тут бабы косяками ходят, только и зыркают, кого бы подцепить? Я прав?

Не поняв, к кому относится последний вопрос, Вера на всякий случай насмешливо поддакнула:

– А то! Мы ж только об этом и думаем, больше не о чем! Сейчас я девчонок позову, в очередь к вам таким замечательным встанем!

– Ой, да ну что ты сразу ершишься! Я ж не про тебя, а вообще!

– К вашему сведению, мы на «ты» не переходили! А если мыслить глобально и «вообще», то я именно баба из тех самых, которые тут косяками ходят!

– Ты еще не баба, – утешил ее Виталик.

– Но у тебя все впереди, – дополнил его второй. – Во всяком случае, характер уже начал портиться! Осталось мясо нарастить и сморщиться!

Верочка презрительно фыркнула и побежала вниз по лестнице на дискотеку, где танцевала их группа, и где можно было чувствовать себя в относительной безопасности. Вечер начался как-то напряженно.

Глава 3

Поскакав в темноте под разноцветными всполохами светомузыки, Верочка устала и решила попытать счастья во второй раз. Выяснив, где в клубе бильярд, она отправилась «учиться играть», взяв в напарницы покинутую Арсением Муськину.

В зале было накурено и витала душноватая смесь запахов одеколона и пива.

– Я не знаю, как палку держать! – кокетливо сообщила Алла, размахивая кием как хоккейной клюшкой. Мужчины оживились и, подхихикивая, расселись на диванах вблизи колоритной парочки, похожей на странствующих Дон Кихота и Санчо Пансы.

– Я тоже. Ничего, сейчас научимся, – поддакнула Верочка и встала в позу. Желающие пристроиться рядом, дабы обучить девушку премудростям бильярда, ажиотированно ринулись к столу. Самым резвым оказался некрупный, но симпатичный мужчина в расстегнутой у шеи рубашке и висящем как не сработавшая удавка галстуке. Рубашка была ему великовата: тонкая шея болталась в вороте как пестик в ступке, а из закатанных рукавов высовывались тонкие волосатые руки.

– Аккуратно, она лягается, – подал голос Виталик, видимо принесенный и приткнутый в угол сердобольным блондином. Сам он, пребывая в состоянии крайней размягченности организма, такой дальний путь ни за что не осилил бы.

– А я нет! – тут же порадовала зрителей Муськина. На этот комментарий отреагировал только болезненно худой мужчина с глазами печального крокодила и обвисшими щеками бульдога. Такой потертый кавалер, хоть и облаченный в дорогой костюм, Аллочке был неинтересен. На вид ему можно было дать лет сорок-пятьдесят, поэтому Муськина гордо отказалась от бесплатного урока, заявив, что она любит экспериментировать и учиться на собственных ошибках.

– Я тоже люблю экспериментировать, – подал голос престарелый донжуан, попытавшись все-таки навязать Аллочке свои познания в области шарокатания. Но Муськина весьма невежливо прервала беседу, слегка ткнув его кием в мягкое брюшко и старательно строя глазки кому-то из сидящих за Вериной спиной. Но все ее попытки были тщетными, поскольку бильярдисты были парализованы открывшимся им зрелищем: Верочка наклонялась, пристраиваясь за столом, выгибала позвоночник, как сытая кошка, и кокетливо наваливалась на обучавшего ее мужчину.

– Кстати, – приладив Верочкины ручки к кию, бормотнул он. – Меня зовут Володя, а вас?

– А нас – Вера!

– А меня – Алла! – крикнула из противоположного угла Муськина и изобразила глазами нечто завлекательное.

Володя оказался генеральным директором небольшой торговой фирмы, находящимся в поиске офис-менеджера. Верочка, до сих пор совершенно не задумывавшаяся о поиске работы, посмотрев в его красивые серые глаза, внезапно поняла, что именно об этой должности и мечтала. Вот как только поступила на филфак, так сразу и начала мечтать! Глаза, плечи, голос, да еще и красавица «Ауди» – абсолютно идеальный мужчина без вредных привычек и с деньгами. У Веры захватило дух, когда Володя, усаживая ее в машину, сжал ладошку и многозначительно посмотрел, то ли обещая что-то, то ли уже давая. Но не поцеловал. Подобная тактичность совершенно добила растаявшую Веру. Она едва не потеряла сознание от избытка чувств и опустила ресницы, мучительно соображая, стоит ли все-таки поощрить его к активным действиям или потерпеть. Интеллигентно чавкнувшая дверь с водительской стороны и оборвавшийся поток холодного воздуха, сменившийся слабым запахом туалетной воды, заставили ее повернуться. Его лицо было так близко, что Верочка задохнулась от избытка чувств и предвку-

шения поцелуя, но барабанная дробь, выбитая на стекле, вырвала разволновавшуюся пару из волшебного водоворота чувств, небрежно швырнув обратно на землю. По ту сторону двери на окно налипла Муськина, смешно сплющив нос и внимательно вглядываясь в темноту салона:

– Эй, ку-ку! А мне с вами по пути!

– Что это? – вздрогнул Владимир, напоровшись взглядом на Муськинский пяточок.

– Ужас, летящий на крыльях ночи, – вздохнула Верочка.

– Твоя подруга?

– Вроде того: мы живем на одной станции метро, поэтому вместе ездим. Общаемся... как бы. Она хорошая, только со странностями.

Вера тоскливо разглядывала сквозь стекло плавающий силуэт Муськиной: бросать дурищу было жалко, а запускать в машину – чревато последствиями. Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты... Не хотелось, чтобы Вова сделал неправильные выводы.

Тем временем Муськина, устав скрести полировку и дергать неподдающиеся ручки, начала легонько толкать машину, видимо, надеясь разбудить хозяина.

– Если она хочет дотолкать нас до дома, то надо зайти сзади, а не наваливаться на крыло, – бормотнул Володя и разблокировал двери.

Верочка торопливо открыла дверь со своей стороны. Муськина дернулась в сторону, то ли опасаясь, что ее этой дверью зашибут, то ли не желая быть испачканной. Маневр удался на половину. Ее не испачкали и не ударили, зато Аллочка умудрилась весьма неловко присесть на сугроб, весьма некстати подвернувшийся под ноги.

– Пусть отряхнет, – взволновался хозяин. Извалявшаяся в снегу девица могла испортить сиденья своим мокрым задом. Кроме того, у незваной пассажирки нехорошо бегали глаза, и сажать ее сзади, всю дорогу ощущая за спиной опасное присутствие маловменяемой дамы, не хотелось.

– Ой, какое мещанство, – тут же подала голос Муськина. – Вещизм не украшает мужчину. Верк, ты, кстати, особо-то губу не раскатывай. Вот из таких ухажеров и получаются скупые и злобные мужья.

Сказано это было таким тоном, словно Муськина уже сама пару раз сходила замуж именно за такого подлеца, пытавшегося на ней сэкономить.

Вера попыталась сгладить неловкость, прибавив громкость. Приемник покорно взвыл на весь салон:

– Хлопай ресницами и взлетай...

– Прикинь, какие должны быть ресницы! – гаркнула перевесившаяся вперед Муськина, перекрывшая радостным хохотом мощный хит «Братьев Гримм». – Это ж комплект к бровям Брежнева! Давай что-нибудь другое, интеллектуальное!

Она втиснулась между сиденьями и попыталась переключить станцию.

Пошевелив в воздухе маникюром, она плаксиво прогундосила:

– Вера, ну найди что-нибудь приличное...

– ...и уменьши громкость, – добавил Володя. В его голосе сквозило отчетливое недовольство.

Вера послушно выполнила оба указания и, заметив, что Муськина снова набирает воздух, чтобы выступить, защebetала, поглаживая водителя по плечу.

– И как ты так легко водишь? Просто потрясающе. Я бы, наверное, не смогла.

– Вер, – пискнула Муськина, но Вера в ужасе перебила ее, в надежде заглушить новое выступление лезшей на передний план подруги:

– А ты давно водишь?

– Давно, – самодовольно подтвердил Вова.

– Трудно?

– Нет, конечно.

– Вер... – опять зашептала Муськина.

– Володя, а я на права сдавала, да так и не сдала! Представляешь? Три раза сдавала. Мне так страшно, как будто я не на дорогу выезжаю, а в космос лечу.

– Ага, летишь, летишь, а тебя сбоку какой-нибудь метеорит – бац! И ракета вдребезги! – прорвалась в эфир Муськина и без перехода добавила: – Вера, слушай, я застряла!

Володя раздул ноздри и задергал щекой.

– Надо сиденье отломать, – завозилась Алла, пыхтя и повизгивая.

– Что?! – Машина вильнула, а водитель, побелев от бешенства, повернулся к Вере.

– Ой, пардон, я забыла, какой у нас рачительный хозяин за рулем. За копейку удавится. Ничего, что я тут по коврику ногами шаркаю, покрытие повреждаю? – съехидничала Муськина. – Ну, не отломать, а отвинтить.

Судя по выражению лица Володи, он был готов отвинтить, но не кресло, а муськинскую голову.

– Алка, попробуй отползти назад, – умоляюще предложила Верочка.

Сиденья зашатались, словно их таранил слон.

– Никак, я сейчас описаюсь от натуги. Понакупают «Запорожцев», в которых нормальному человеку не развернуться! – оправдывалась Муськина, старательно перекладывая вину за инцидент на окружающих.

Писающаяся девушка в планы Володи на вечер не входила. Она вообще основательно подпортила налет романтизма, легким туманом окутавший их с Верой знакомство. Ему нравилась в отношениях с девушками некая киношность, неприменимая в обычной семейной жизни, утонуть в трясине которой было никогда не поздно. Но наглая девица делала романтику похожей на фарс.

– Если она не вылезет сама, я оставлю ее тут на ночь, – индифферентно сообщил Володя, не глядя ни на Веру, ни на ее барахтающуюся подружку.

– Я ж замерзну! – возмутилась Алла.

– Сожалею.

– Вер, с кем ты связалась? Это же маньяк! Сначала он защемляет женщин в своей машине, а потом замораживает их, как треску!

– Верочка, возьми там в бардачке скотч, надо залепить рот барышне, – ни один мускул не дрогнул на его лице. И хотя Вера понимала, что он шутит, но холодок по спине пробежал: уж больно бесстрастным было Володино лицо.

– Верка, опомнись, ты же о нем ничего не знаешь! – захныкала плененная Муськина.

– Алла, я сейчас сама тебя приблю! Ну что ты вечно во что-то вляпываешься? – разлилась Верочка.

– Я-а-а? – задыхнулась от возмущения Муськина. – Да не могла же я оставить тебя наедине неизвестно с кем!

– Вообще-то я вполне дееспособная и могу отвечать за себя. – Веру поразили мотив, на основании которого сокурсница так самозабвенно портила ей вечер.

– Оставьте свой героизм при себе, мадам...

– Я не мадам, я мадемуазель! – гордо вскинулась Аллочка.

– Неважно. Ваш прыжок на амбразуру в данном случае неуместен! – хмыкнул Володя. – Ваша подруга не нуждается в опеке.

– Как это неважно? Я никогда не состояла в браке, поскольку презираю вас как класс! – Муськина как обычно уловила только часть из всего вышесказанного, и, обидевшись на введение, все остальное уже прослушала, формулируя достойный ответ.

– Володя, тормози, вон мой дом, – обреченно сказала Верочка, понимая, что после столь бурного вечера кавалер вряд ли пожелает продолжить знакомство. Но как спасти ситуацию, она не знала.

– Алле, а как же я? – взвизгнула Муськина так, что у Веры заложило уши и в голове завис тоненький противный звон. – Мне не здесь выходить!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.